



ЭО-Online, 2014 г., № 2

© В.В. Карлов

ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В РОССИЙСКОЕ СИБИРЕВЕДЕНИЕ:
Рец. на: *Сирина А.А. Эвенки и эвенки в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.*

Тунгусоведение в огромной массе литературы, посвященной культурам народов Сибири и Дальнего Востока, в отечественной науке давно стало одним из самых разработанных и изученных направлений этнологического знания. В этой сфере работали немало выдающихся исследователей, среди которых достаточно назвать имена С.М. Широкогорова, Г.М. Василевич, Б.О. Долгих, В.А. Туголукова, М.Г. Левина, И.С. Гурвича и многих других ученых, посвятивших труды двум северо-тунгусским этносам – эвенкам и эвенкам. Внимание к ним не удивительно, ибо два эти народа заселили, при своей относительно небольшой численности, огромные таежные и лесотундровые пространства от притоков Оби до тихоокеанского побережья, сумев сохранить при этом основы языка, хозяйства и образа жизни. Однако эти классические исследования касались по большей части их традиционного хозяйства и быта, какими они сложились и выглядели к концу XIX – началу XX в., но во многом сохранялись еще на протяжении первой половины XX столетия. И сказать, что в исследовании культур тунгусских этносов не осталось белых пятен, все же нельзя. Протяженность этнической территории, различия в специфике природно-экологической среды и в характере освоения ее микроареалов, оставляли еще большой простор для работы ученым-североведам. К этому добавлялись активно протекавшие в Сибири миграционные перемещения населения, создавшие несколько иную этнокультурную мозаику и многократно повлиявшие на все особенности бытового уклада автохтонов. Особенно бурными были эти изменения со второй половины прошлого века, ну а известные общенациональные потрясения начала 1990-х годов не могли не внести свои новые краски и в этнокультурную сферу. Поэтому появление новой, обобщающей опыт нескольких последних десятилетий, работы об эвенках и эвенках вполне назрело, и обращение к данной теме А.А. Сириной, уже прочно зарекомендовавшей себя как серьезного и авторитетного исследователя, бесспорно, надо приветствовать. Опубликованная ей работа сразу обращает на себя внимание обстоятельностью изложения, которое опирается на весьма разнообразный круг источников, на множество работ предшественников, архивные разыскания и статистические материалы, а главное, на обширные полевые материалы автора, собиравшиеся ею на протяжении 20 лет, за которые она смогла объездить и обследовать почти все районы расселения эвенков и эвенков. Последнее обстоятельство само по себе довольно уникально, в наше время такое случается нечасто, и это можно охарактеризовать как явление в современной науке почти подвижническое.

Структура исследования А.А. Сириной довольно оригинальна. Автор отошла от сложившейся в советской этнографии традиции монографического описания этносов по определенной схеме: хозяйство и материальная культура, социальный строй, духовная культура, мировоззрение и верования. Вместо этого она предложила разбивку текста на 5 частей, каждая из которых состоит из глав и параграфов. Первая часть посвящена вопросам классификации северных тунгусов в государственно-административной практи-

Виктор Владимирович Карлов – д.и.н., проф. кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ке, их экзо- и эндоэтнонимам, статистическим показателям, а заканчивается проблемами современной идентификации эвенков и эвенов. Во второй части описаны представления о душе и реинкарнации, выбор имени и социализация. Третья часть содержит материал о хозяйствовании, об особенностях природопользования и об обычае *нимат*. Главы четвертой части описывают представления эвенков и эвенов о пространстве и времени, об отношении к земле и ландшафту, поселения и жилище. Часть 5 называется «Мировоззренческие основания традиционного природопользования», здесь автор описала и проанализировала специфику сакрализованного отношения к природной среде, во многом определяющего своеобразную экологическую этику тунгусских народов.

Автор определяет цель своей работы как «сравнительное исследование типологии культур эвенков и эвенов в сфере идентичности, природопользования и мировоззрения. В качестве базовой гипотезы берется предположение об их тесной взаимосвязи, в том числе в начале XXI в., а также о преемственности культур – несмотря на фундаментальные изменения последнего столетия» (с.15). В свете обозначенной здесь задачи, структуру книги можно назвать логически выверенной. Сразу вводя читателя в проблемы расселения современных эвенков и эвенов, взаимоотношения их с государством и местной администрацией, попытавшись объяснить разницу в этнонимике и связанные с этим проблемы идентичности, автор переходит к отображению процесса становления человека и оснований для его идентификации в ходе социализации. Далее показан характер хозяйствования и природопользования этого сформировавшегося человека данной этнической принадлежности, вслед за чем читатель погружается в лабиринт базовых представлений, сформированных традиционной системой природопользования, и в одушевленный мир «субъектно-субъектных» взаимосвязей человека, социума и природы. Такой подход, где исследователь фокусирует внимание на человеке, несколько смещая видение объекта от этнографии в область социальной антропологии, вне всяких сомнений, можно назвать для отечественной научной традиции новаторским.

В рецензируемой книге можно отметить целый ряд достоинств, имеющих значение не только для изучения избранных народов, но и для этнологии в целом. Прежде всего, это поставленная масштабная задача исследования: рассмотреть в синхронно-диахронном разрезе проблемы идентичности, природопользования и мировоззрения эвенков и эвенов. Исследованием охвачены фактически все основные аспекты этнической культуры данных народов на протяжении более столетия – периода, вместившего в себя весьма крупные и динамичные изменения. Важно отметить и то, что автор сравнивает эти культуры между собой по исследуемым в работе параметрам. Их сопоставление с целью определить степень их близости или различия предпринималось и ранее, но в таком масштабе это делается впервые.

Внимание к современным проблемам национальных меньшинств, и особенно к проблемам северных народов, в России стало уже традиционным. Данному этапу глобализации и ускоренного промышленного развития северных территорий нашей страны свойственны обострение проблем развития и выживания северных народов, осмысление и поиск ими места в современном мире. Проблематика бытия этих народов включена в международный политико-правовой контекст, поскольку более или менее схожие процессы происходят и в других странах, где проживают этнические меньшинства. Поэтому все более актуальным становится изучение культурного потенциала меньшинств, еще сохраняющих приемы и навыки традиционного жизнеобеспечения, их адаптационных способностей, уникальности и высокой ценности их культур, а также проблем взаимоотношений с доминирующим обществом. Этим объясняется избранный автором монографии подход к теме, в которой она стремится прежде всего оценить функциональные адаптивные механизмы традиционного жизнеобеспечения в наше время и степень их сохранности. Не вызывает сомнений, что поставленная в заявленном автором книги ракурсе тема весьма актуальна и своевременна.

Отмеченная широкая постановка проблем исследования А.А. Сириной уже поэтому представляется органично сочетающей научное и практическое значение. Она стала возможной благодаря накопленному к настоящему времени объему научной литературы,

трудам ученых – предшественников и современников автора работы. Анализ накопленного опыта изучения дан автором в кратком, но содержательном историографическом обзоре во Введении: он имеет ценность как самостоятельное глубокое осмысление процесса научного творчества в области тунгусоведения на фоне общего развития этнологической науки в России и за рубежом. Сделанные автором выводы о выделении периодов в развитии тунгусоведческих исследований достаточно корректны и убедительны. Обобщающее исследование в избранном автором ракурсе в тунгусоведении, как следует из предпринятого историографического обзора, назрело.

Несомненное достоинство рецензируемой работы – весьма солидная база источников. Среди них есть и редко используемые в научных исследованиях художественно-автобиографические произведения северян, которые придают работе своеобразие и особую степень проникновения в материал. То же можно сказать о полевых материалах автора: это свежий и достоверный источник, дающий довольно полное представление о современных процессах и явлениях бытия исследуемых этносов. Впечатляет уже одна география сборов: Восточная Сибирь и Дальний Восток России, Якутия, Бурятия, Иркутская и Магаданская области. Они, несомненно, имеют самостоятельную ценность, свидетельствуя о всестороннем знакомстве автора с материалом, свободное владение которым, в сочетании с выстраиванием его с акцентом на логику, диалектику и динамику развития культуры, с использованием взаимодополняющих подходов, и пристальным вниманием к локально-региональным аспектам изучаемого объекта, позволило создать масштабную панораму современного функционирования этнических культур эвенков и эвенов. Последний ракурс в целом удачно дополняется обильным вводом в повествование записанных в поле «устных историй». Однако вместе с тем можно заметить, что иногда автор несколько злоупотребляет цитированием полевых дневников. Вообще такая традиция давно была присуща отечественной этнографии, достаточно вспомнить работы, например, В.Г. Богораза или Л.Я. Штернберга. Но они все-таки сообщали «истории из жизни» своих информаторов в качестве иллюстрации обычаев и нравов изучаемого социума. Здесь же на страницах книги обилие «голосов респондентов» порой не проясняет мысль автора: нередко эти голоса остаются без комментария. А он порой требуется. Кроме того, давно существует правило при цитировании слов информаторов всегда указывать их имена, фамилии и место жительства. А.А. Сирина при цитировании полевых дневников делает это далеко не всегда.

Важными представляются также следующие итоги работы. Нельзя не согласиться с автором в том, что процесс формирования этничности основан не только на субъективных, но и на объективных параметрах, то есть это процесс комплексный, сложный и неоднозначный. Он нуждается в непрерывном изучении, ибо, по аргументированному мнению исследователя, культура и этничность суть явления, имеющие прямую и обратную взаимозависимость.

Следует признать закономерным и оправданным, что в работе о современных эвенках и эвенов А.А. Сирина сосредоточилась на исследовании особенностей природопользования с точки зрения его типологических характеристик, присущих традиционной культуре, и их преемственности в наше время. Здесь автором рассмотрены основные отрасли «северной триады» традиционного хозяйства эвенков и эвенов, дана их сравнительная характеристика, показаны специфика землепользования и современные проблемы, связанные с этим. К сожалению, автор недостаточно места уделила анализу обостряющихся современных проблем землепользования, хотя обладала такими материалами, судя по опубликованным ею ранее работам, в том числе явившимся результатами экспертных оценок.

Важно также, что в IV и V частях, где речь идет о мировоззренческих вопросах, апробируются некоторые новые для отечественной этнологии подходы, например, разрабатывается вопрос об экологической этике. Впервые прослежены и выявлены культурно обусловленные взаимосвязи между такими объектами, как дерево, олень, птица в культурах эвенков и эвенов, и, шире, других тунгусских народов. Обращает на себя внимание обоснованный автором взгляд на характер этих взаимоотношений с природ-

ной средой в традиционных культурах эвенков и эвенов как на отношения субъектно-субъектные.

Выводы, к которым приходит автор работы, многомерны. Исследование типологии культур по указанным параметрам привело автора к заключению о некоторых дополнительных различиях культур западных и восточных групп эвенков, так же как о культурных схождениях в мировосприятии и жизнедеятельности у восточных эвенков и эвенов. Исследование преемственности культурной традиции позволило автору прийти к корректным и адекватным выводам о тесной связи и зависимости условий жизни изучаемых народов как от государственной политики, так и от политики транснациональных промышленных компаний, с необходимостью ярко выраженной апелляции к международным правовым нормам в области защиты прав меньшинств, а также формирования активной позиции самих народов и их институтов и структур.

Некоторая неровность изложения и неравномерность в освещении тех или иных сюжетов и аспектов исследования практически неизбежны при масштабности поставленной темы и анализе такого обширного и в значительной степени нового материала. Их в работе А.А. Сириной, тем не менее, не много. Из общих вопросов, связанных с постановкой проблемы, обращает на себя внимание следующее. Подводя итоги своей работы, автор совершенно справедливо отмечает многообразие локальных вариантов культуры эвенков и эвенов как свидетельство высокой степени адаптации их хозяйства и образа жизни к изменяющимся природным и социальным условиям. Тем не менее, акцент в изложении сделан все-таки на демонстрацию традиционных способов жизнеобеспечения и мировосприятия и их функциональной значимости в современности и в перспективе на будущее. Как представляется, когда речь идет о жизнедеятельности этносов в XX и XXI в., такой подход уже не в полной мере может отразить динамику культурных изменений и оценить их перспективы. Данные о новациях в жизни этих автохтонных народов в работе, несомненно, присутствуют, но довольно фрагментарно. Между тем столетия контактов с «доминирующим» обществом не могли не сделать многие из новаций уже функционально необходимыми для жизнедеятельности автохтонов, что на современном этапе исследования вызывает необходимость специального целостного анализа функционирования этнической культуры, независимо от степени этноспецифичности разных ее компонентов. Здесь не обязательно идти по пути описания доли получаемых извне предметов, техники, продуктов и т.д. Речь идет о другом – о том, что еще в середине XIX в. подметил А.Ф. Миддендорф в короткой фразе: «...переходы от лука и стрелы к огнестрельному оружию, от меховой к тканой одежде, составляли скачки, повергавшие человека в новый мир» (*Миддендорф* 1878: 704, 705). Новый мир составили, конечно, не просто не производимые на месте вещи, но то, что следом за этим абсолютное преобладание в обществе личностных связей начинало подвергаться замене отношениями опосредованными, вещными. А с их развитием, с течением времени, эти отношения становились уже функционально необходимыми. Так как в заголовке работы вынесено уточнение «эвенки и эвены в современном мире», такой ракурс представлялся бы необходимой характеристикой современной эпохи. Было бы целесообразно акцентировать внимание на изменениях нормативно-ценностного отношения к новациям, как в материально-вещной среде, так и в сфере человеческих взаимоотношений, которое достаточно точно показывает динамику культурных перемен. У этой темы появляется в наше время еще один угол зрения, связанный с новой стадией состояния человечества, именуемой глобализацией, что автор тоже неоднократно отметила. Характер отношений по воспроизводству малочисленных этносов в индустриальную эпоху начинает меняться в постиндустриальном мире, и это тоже требует уже определенной фокусировки в исследовательских подходах. Учитывая, однако, общую недостаточную разработанность этого комплекса проблем в отечественной, как и в мировой, науке, высказанное замечание следует рассматривать как пожелание автору на дальнейшую работу.

Некоторые сомнения вызывает также вынесение в заголовок книги термина «мировоззрение» по отношению к взглядам на мир, природу и человека у эвенков и эвенов. Да, в обиходной речи совокупность взглядов, присущих людям архаических обществ, миро-

воззрением называют. Однако, строго говоря, мировоззрение – это все же в значительной степени обобщенные взгляды, приведенные в определенную систему. Вот, например, взгляды, прививаемые современным эвенкам и эвенам в средней школе и вузах, гораздо больше подходят под понятие мировоззрения. Что же касается традиционного их состояния, здесь более адекватным их сути выглядел бы термин «миропонимание» или «мировосприятие», который, например, вполне обоснованно дал в заголовке своей интересной работы о народах Сибири М.Ф. Косарев (Косарев 2008).

Среди замечаний более частного характера отмечу следующие.

В части о природопользовании рассмотрению важного периода 1960–70-х годов в развитии традиционных отраслей хозяйства в совхозах, по сравнению с постсоветским периодом возникновения и работы «родовых» общин и других форм хозяйственной организации, представляется несколько поверхностным, этим сюжетам можно было уделить больше внимания.

Не всегда рассмотренные в работе отдельные элементы этнической культуры или обычаи эвенков и эвенов анализируются исходя из специфических особенностей именно этих культур. Так, например, обычай *нимат*, всесторонне рассмотренный автором с привлечением многочисленных параллелей, трактуется больше в ракурсе известной парадигмы дара или дарообмена. *Нимат*, однако, не вписывается в понятие реципрокации хотя бы потому, что здесь нет элементов обязательного «возврата дара», на который мог бы рассчитывать добытчик. Не вполне подходит и трактовка в аспекте «символического капитала» (к слову, ее автор П. Бурдьё почему-то в тексте переименован в П. Бордо, с.326). Ведь здесь следование обычаю в равной мере касается что удачливого охотника, что человека, добывшего зверя случайно. По принятым нормам, оба должны отдать добычу в *нимат*, а при неисполнении данной нормы оба одинаково подвергнутся осуждению общественным мнением. Обычай *нимат* возник под действием двух факторов. Первый касается особенностей жизнеобеспечения в условиях сибирского севера и фактически в равной степени присущ всем промысловым народам. Здесь обычаи делиться добытой или вообще имеющейся пищей просто входят в стратегию выживания и не могут быть иными. На эту тему обширный материал собран в монографии М.А. Сергеева (Сергеев 1955: 175–191). Даже якуты, которых, по всеобщему мнению наблюдателей, отличала особая бережливость и расчетливость в хозяйственном быту, строго придерживались нормы, когда без пищи нельзя было оставлять никого из присутствующих: ни родственника, ни соседа, ни даже наемного работника или случайно оказавшегося в доме человека. Об этом неоднократно упоминает, например, В.Л. Серошевский в своей классической монографии о якутах. Второй же фактор, повлекший рождение обычая *нимат* именно у тунгусов, связан с жизненной необходимостью не ограничиваться в промысле узкими границами традиционной охотничьей территории, когда постоянно в поисках добычи приходилось кочевать в соседних или даже отдаленных угодьях. В этом смысле наделение добычей всех присутствующих, причем так, когда, по некоторым данным, добыча отдавалась для дележа самому дальнему родственнику или чужаку, как бы подчеркивало общее право всех на использование ресурсов в неограниченных пределах. О таком смысле обычая *нимат* я писал в своей работе об эвенках (Карлов 1982: 30–31). А именно такая трактовка тунгусского обычая дележа делала бы присутствие этой главы в разделе о природопользовании более логичным. В данном случае А.А. Сирина, в целом внимательно относящаяся к работам предшественников, почему-то это обошла.

Еще одно относительно частное замечание касается того, что не все представленные в книге разделы имеют равное отношение к обсуждаемым в ней проблемам. Конкретно я имею в виду, например, очерк о творчестве нижнеангарского художника В.П. Кондакова, имеющего в родословном древе отдаленные эвенкийские корни (с.143–150). Само по себе авторское эссе об этом человеке интересно, но интересно оно только тем, что в своих художественно-эстетических эзотерических исканиях смысла жизни этот русский человек обратился к эвенкийской мифологии и фольклору. Если бы у автора был при этом материал относительно того, какое впечатление его искания производят на современных эвенков (если им его творчество вообще знакомо), в таком случае это имело бы отноше-

ние к проблемам современного самосознания эвенков. Но без этого сюжет едва ли что-то может добавить нам в данном отношении, как и вообще модное направление неоархаики в современном искусстве. Отчасти это лишь те штрихи, которые создают почву для не менее модных увлечений современного общества неошаманством, имеющим весьма относительное касательство к шаманизму настоящему. К слову сказать, весь мой опыт общения с эвенкийскими информаторами, проводниками и многочисленными собеседниками говорит о полном отсутствии у них склонностей к мистике и эзотерике: настолько для них органично и естественно восприятие этого мира, сотканного из неразрывного переплетения, в их интуитивном миропонимании, рационального и иррационального начал.

Итак, основные замечания об этой интересной и увлекательной работе сводятся к определенным размышлениям о подходах к материалу современности в отношении малочисленных промысловых народов. Тема современности вообще в этнологическом знании одна из самых сложных и дискуссионных, и то, что рецензируемая публикация снова побуждает об этом задуматься, скорее относится к ее плюсам, ибо это работа серьезная и глубокая. Высказанные замечания нисколько не умаляют заключения о том, что отечественная наука получила новый очень солидный и весомый вклад в исследование проблем малочисленных народов, в данном случае эвенков и эвенов.

Литература

- Карлов* 1982 – *Карлов В.В.* Эвенки в XVII – начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982.
- Косарев* 2008 – *Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. Изд. 2-е. М., 2008.
- Миддендорф* 1878 – *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Отд. VI. СПб., 1878.
- Сергеев* 1955 – *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955 (Труды ИЭ, нов. серия, т. XXVII).